

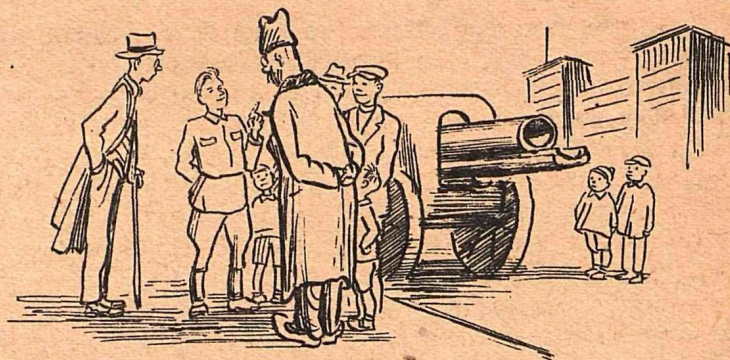
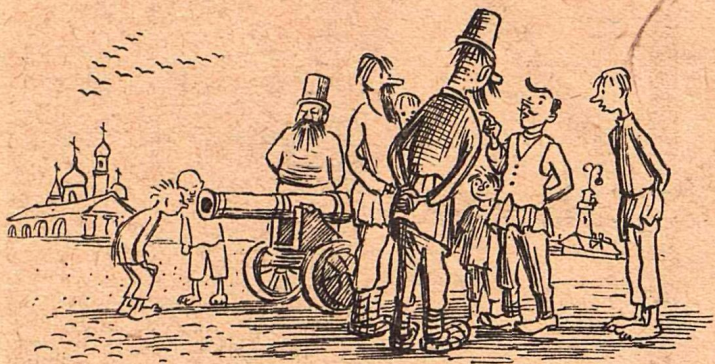
К Р О К О Д И Л

ГОД ИЗДАНИЯ ХVII

К 556/38г.

КУРОРТНЫЙ СЕЗОН В СОЮЗКУРОРТЕ НАЧАЛСЯ

У П У Ш К И

1. В прошлом веке

- Ребята, вот так пушка!
- Да!..
- Уж очень, сейчас умереть, большая!..
- Большая!..
- А что ежели теперича эту самую пушку, к примеру, зарядят да пальнут...
- Да!
- Особливо, ядром зарядят.
- Ядром ловко, а ежели бонбой, ребята,— лучше.
- Нет, ядром лучше!
- Да бонбой дальше.
- Все одно, что ядро, что бонба!
- О, дурак, чорт! Чай ядро — особь статья, а бонба — особь статья.
- Ну, что врешь-то!
- Вестимо! Ядро теперича зарядят, прижгут: оно и летит.
- А бонба?
- Чаво бонба?
- Ну, ты говоришь — ядро летит... а бонба?
- А бонба другое.
- Да чаво другое-то?
- Бонбу, ежели, как ее вставят, так-то... туда...
- Так что же?
- Бонбу...
- Ну?..
- Вставят... и ежели оттуда...
- Чаво оттеда?..
- Ничаго, а как собственно... Пошел к чорту!

1861 г.

И. Ф. ГОРБУНОВ

2. В наше время

- Васька, а Васьк, беги сюда! Тут пушки стали!
- Чего орешь?
- Как не орать? Сейчас скомандуют, и сейчас увезут пушку красноармейцы. А нам посмотреть охота.
- Это, во-первых, не пушка, а гаубица.
- Дяденька, а ты не врешь?
- Вот я тебе! Постарше себя человеку говорит «врешь»!.. Это гаубица.
- А вы откуда знаете, гражданин?
- Насмотрелся я на них во время империалистической и во время гражданской — тоже. Пушка, во-первых, длиннее. И потом у гаубицы у этой траектория круче.
- Чего, чего?
- Тра-ек-то-рия. То есть линия, значит, по которой снаряд летит.
- Да нешто он не прямо пуляет, дяденька?
- А, теперь спрашиваешь!.. А то было — «врешь»!.. Из

гаубицы снаряд вылетит и сейчас он забирает кверху, будто он желает осмотреться. А потом уже сверху вниз сыплет.

— Кто ж этого не знает?

— Стало быть, не знают, если спрашивают. И вот, выходит, гаубица эта...

— Это не гаубица, а мортира.

— Кто — мортира?!

— Вот это вот орудие. Мортира.

— Молод ты меня учить, товарищ! Я, может, всю империалистическую войну на них любовался. И в гражданскую — тоже... Эта гаубица, она...

— Мортира.

— Гаубица!

— Мортира!

— Да откуда ты можешь знать?! Ты на войне был?

— Не успел. Меня тогда на свете не было.

— То-то и оно-то... А еще учит! Я говорю: это гаубица...

— Мортира.

— Да что такое — мортира? Знаешь?

— Знаю. Мортира есть орудие, приспособленное для поражения горизонтальных целей.

— Ишь, ты... Ну, еще что скажешь?

— Скажу, что мортиры всегда короче и пушек и гаубиц, так как снаряд у них небольшой...

— Дяденька, а он тебя забивает, молодой человек, то есть...

— Не забьет!.. Ну-ка, знаток, расскажи, какие такие бывают снаряды?

— Пожалуйста. Основные виды снарядов — шрапнель и граната. Шрапнель — это стальной стакан, наполненный шаровыми пулями, которые...

— Та-ак. А граната?

— Гранату заполняют дробящим веществом.

— Каким? Каким?

— Дробящим, взрывчатым, то есть. После удара о препятствие граната сразу же взрывается...

— Вот и врешь! Вот и не сразу!

— Та граната, которая взрывается не сразу, называется гранатой фугасного действия. А та, что взрывается сразу, — граната со взрывателем осколочного действия.

— Папаша, а ведь он вас кроет!

— Что?.. «Кроет, кроет»... Немудрено, что кроет... Я к артиллерии лет пятнадцать касательства не имею, а он... Паренек, ты в армии служил?

— Пойду на будущий год. А что?

— Как что?! Откуда же ты знаешь про артиллерию, раз не служил еще?

— Значит, интерес имеет молодой товарищ. Готовится.

— Васька, ды Васька же!.. Увозят пушку... то бишь — мортиру... гаубицу то есть!..

— Тоже, небось, будущий артиллерист кричит... Ха-ха-ха... Прямо оторвать от орудия невозможно.

ИВАН ДИТЯ

Геннадий Фомич и Муся

Директор завода «Гвоздь» Геннадий Фомич думал, что он прошел огонь, воду, медные трубы и чортовы зубы. В зависимости от настроения и обстоятельств он называл себе то стреляным воробьем, то старой собакой, то тертым калачом.

Он был мудр, как змий, и ловок, как белка. Поэтому, когда он услышал, что на бюро райкома собираются обсудить вопрос о плохой работе завода «Гвоздь»,— он не стал терять попусту время, а сел в машину и покатил сам в райком.

Принял его секретарь райкома.

— Видишь ли, какое дело,— сказал Геннадий Фомич, хитро щуря маленькие кабаньи глазки,— я скрывать от тебя не буду, что завод работает плохо... Плохо работает завод — факт!.. Но можно ли нас сейчас бить?.. Вот тут-то меня и берет раздумье... Раздумье меня берет! На «Гвозде» у меня начальниками цехов, да и в парткоме работает зеленая молодежь... Недавно выдвинутые. Народ, как бы тебе сказать, к проработкам еще не приученный. Ты их сегодня побьешь, а они завтра увянут, как цветочки. Факт!.. Верь мне, старой собаке. Пусть окрепнут сначала, шкура у них, как бы тебе сказать, огрубеет, а тогда — лупи их сколько влезет. Я тебе первый помогу!..

— А молодежь хорошая у тебя? — спросил секретарь райкома.

— Прелестная! Но не обвыкла еще. Инженер, у меня есть один. То есть он, собственно она, девушка. Работает начальником цеха. Звать Муся Синичкина. Я с ней говорю на производственные темы, а она краснеет, как маков цвет! Неужели у тебя на такую Мусю рука поднимется? Обождать надо, верь мне, стреляному воробью.

— Хорошо,— сказал секретарь райкома,— обождем ставить вопрос о вас. Поработайте — посмотрим.

Прошло две декады. Дела на заводе «Гвоздь» не улучшались. Геннадия Фомича самого вызвали в райком к секретарю.

— Ну, как твоя молодежь, обвыкла? — спросил секретарь.

— Если ты в смысле, фигурально говоря, битья интересуешься, то нет еще,— сказал Геннадий Фомич.— Потерпи, прошу тебя. Потом все сразу наверстаешь. Верь мне, стреляному воробью, я в этих делах старая собака.

— Хорошо. Обождем еще. Но ты бы подтянул свою прелестную молодежь, а то она что-то долго обвыкает. Какая девушка, ты говорил, у тебя работает начальником цеха?

— Синичкина Муся.

— Она все еще краснеет, когда ты говоришь с ней на производственные темы?

— Краснеет,— подтвердил Геннадий Фомич.— Спрошу ее про выполнение плана по обойным гвоздям, а она вся так и залетится. Не обвыкла еще дивчина. Как такую бить!..

Через декаду снова пришлось Геннадию Фомичу прибыть в райком. Он зашел в кабинет секретаря и увидел там... Мусю Синичкину. Она сидела в кресле, щеки ее были пунцовыми, Муся с жаром что-то доказывала секретарю.

— Садись и внимай,— сказал секретарь Геннадию Фомичу.

— Директор плохо руководит заводом,— говорила Муся, краснея при каждом слове,— просто из рук вон. И при этом прячется за спины молодежи.

Она покраснела еще больше и прибавила:

— Молодежь поручила мне разоблачить вас, Геннадий Фомич. Мы не позволим вам больше приписывать молодежи ваши собственные грехи. Вот тут у меня все конкретно описано.

И она положила на стол секретаря райкома мелко исписанный лист бумаги.

— Напрасно ты думаешь, что она не обвыкла! — сказал секретарь Геннадию Фомичу, нехорошо улыбаясь.

Геннадий Фомич хотел было сказать, что ему, тертому калачу, стреляному воробью и старой собаке, это виднее, но взглянул на ледяное лицо секретаря райкома и осекся.

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

Рис. К. Ротова

ЛЕГКАЯ УСЛУГА

МУССОЛИНИ:—Генерал, там у вас, в Абиссинии, мой сынишка летчикам заделался... Нельзя ли его поберечь?

ГЕНЕРАЛ:— Дорогой дуче, я клянусь посылать вашего сына бомбить только беззащитные города.

Рис. А. Каневского.

СПЯТ, ПОКОЙ ЦЕНЯ

— Видать, на этом курорте все отдыхают: и стадо, и приезжие больные, и горсоветчики...

ЖИВЫЕ ЛЮДИ

Что-то последнее время я стал часто про попов писать.

Столько имеется важных и оригинальных проблем, а перо иной раз склоняется к описанию духовенства.

Конечно, это тоже, я так думаю, сатира если про попов писать. Тем более они в настоящее время усилили свою деятельность. Многие из них включились в активное движение по завербовке населения в лоно религии. Другие хлопчут, чтоб их куда-нибудь там выбрали. Третьи вообще распространяют религиозные и сумбурные идеи. Так что писать про это не есть отставание от жизни или там выбор безответственных тем.

Короче говоря, одну сельскую церковь обслуживал старенький поп. И вот он чем-то захворал и уехал, и на его место прибыл новый поп, вдобавок молодой, энергичный, из новых кадров.

Вот он прибыл на село, и сразу с ним произошла вот какая история.

Он думал, что тут ему моментально отведут квартиру и все прочее. Но как раз этого не случилось. У некоторых не было лишнего помещения, а другие стеснялись пустить к себе попа. Они говорили: «Попа мы пустим, а потом про нас будут говорить: вот, дескать, пустил попа».

Подобное отношение не смутило энергичную душу священнослужителя. Он так сказал на селе:

«То, что вы меня не пустили на свою жилплощадь, показывает всю слабость работы моего престарелого предшественника. Но не такое я есть лицо, которое отступает в панике и беспорядке. Жить в лесу и питаться шишками я не буду. Я сюда прибыл не на рандеву, а по требованию. И поэтому я поселюсь в самой церкви и стану там жить, пока не полу-

чу что-либо меня удовлетворяющее. В алтаре я не стану находиться, а за алтарем, где есть маленькое окошечко, я непременно поселюсь и буду там жить, хотя бы вы все с ума сошли».

Среди придерживающихся религии началось недовольство. Такое, можно сказать, божественное место — храм, а тут, короче говоря, поп будет сушить свои портянки и вдобавок вдруг еще тут блох разведет или что-нибудь вроде этого.

Но поскольку никто из религиозников не дрогнул в смысле предоставления попу квартиры, то так и случилось, как сказал поп.

Он поселился в храме и стал там без смущения жить. И даже там на примусе что-то он себе пек и варил.

Это поведение вызвало большие толки и пересуды среди населения. Многие даже специально стали сюда приезжать, чтобы посмотреть в церковное оконце, как там устроился поп, как он там, нахал, живет и что себе стряпает.

И вот проходит, представьте себе, два месяца, и вдруг в народе распространяется слух, что священнослужитель не только спит и «хрюкает» в церкви, но он еще вдобавок влюбился в одну вдову и теперь ее сюда к себе в гости приглашает, не отдавая себе полного отчета, что он также делает с точки зрения религии.

Это последнее дело переполнило чашу терпения религиозников. И группа верующих решила накрыть попа с поличным.

И когда вдова пришла к попу на свидание и верующие вполне удостоверились, что так оно и есть, как говорилось в народе, возмущение достигло своего предела.

Кем-то был пущен камень в оконце. А кое-кто даже хотел бревном выломать двери. Но до этого не дошло, поскольку

ко сам поп открыл двери и вышел к верующим. Он им так сказал:

«Квартиру вы мне не предоставили. А теперь вы, собаки, около моей двери шум поднимаете и разбили мне окно. Очень это красиво, благодарю вас. Но вы напрасно тревожитесь. Мы, попы,—не какие-нибудь там черные монахи: мы люди живые, и нам нечуждо все земное. И я вон могу повторить то, что я вам сказал: жить в лесу и питаться шишками я не буду. А лучше вы подумайте, где мне иметь квартиру. И идите себе с богом и не скандалничайте... А то, что вы мне стекло разбили, это такое нахальство с вашей стороны, что я даже и не знаю теперь, как я к вам отнесусь и сколько с завтрашнего дня я буду брать за каждую отдельную службу и за упокой души».

Верующие прямо удивились, какой им попался поп. Они больше скандалить с ним не стали. Но на другой день подали в сельсовет заявление: дескать, вот какой случай, нельзя ли, дескать, попа одернуть, дескать, живет в церкви и в скором времени, наверно, дойдет до того, что начнет жрать живых и мертвых, если его не пристыдить административным путем.

К сожалению, мы не преувеличиваем, сельсовет энергично взялся за дело и с соответствующей резолюцией двинул это заявление в область с тем, чтобы там образумили попа.

Там, в области, немножко над этим посмеялись и вернули заявление в сельсовет с указанием не тревожиться за частный быт попов.

В общем, молодой, энергичный поп живет все еще в храме, и там он спит и кушает. Но верующие (чего доброго, вместе с кружком безбожников) уже начали отстраивать небольшую хибарку, куда и хотят с осени переселить попа.

Только не знаем, переедет ли он туда. Ему в храме светлей и воздуха больше.

Рис. Л. Сойфертиса

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

ДОКТОР:— Ну, девочка, скажи: а-а-а-а!..

ДЕВОЧКА:— Хитрый какой! Я лучше тебе на-

пишу...
МИХ. ЗОЦЕНКО

П о д р у г а н а ш а

Подруга наша вышла замуж,

Ушла от нас на много дней!

И мы решили:

Где уж нам уж

Теперь ухаживать за ней.

Она работать перестала,

Забыла нас и надому,

На иждивенье мужа, стала

Полнеть и нравиться ему.

А мы наружно к ней остыли:

Мол, наше дело — сторона.

Но скоро нас оповестили,

Что стала матерью она.

И мы решили все, что надо

Проведать мать, и мы тогда

Купили плитку шоколада,

Цветы с названьем резеда,

Доставили разного печенья,

Пушинки сняли с рук и плеч.

Комсоргу дали порученье

Сказать приветственную речь.

И вот явились прямо надом —

Привет мамаше молодой!

Комсоорг подходит с шоколадом,

А я с цветами — резедой.

Девчата двери затворяют —

А ну — куда печенье деть?!

И вслед за этим заявляют:

Хотим на сына поглядеть...

Мамаша, позабыв смущенье,

Благодарит за посещение

И к нам подносит молодца:

Глядите, мол, на чадо наше...

Мы улыбаемся мамаше

И восклицаем:

Веселье в отца!

Отец солидно и радушно

Сажает нас вокруг стола,

А мы в ответ:

Мол, сыну душно...

Пускай он спит... У нас дела...

Мы забежим в другое время...

А мать опять благодарит...

Она прощается со всеми

И на прощанье говорит:

Я этой встречи не забуду...

Я очень-очень рада ей...

И я опять работать буду

По специальности своей.

И долго нам вослед глядела,

И под влияньем встречи той

Я повторяю то и дело,

Что я напрасно холостой.

СЕРГЕЙ СМЕРНОВ

Разница

Пашка Куликов, небольшой коренастый паренек в кожаной куртке, с треугольничками в петлицах, сидел на крыле своего «ЗИС», непринужденно закинув ногу на ногу. Во всей его фигуре было непередаваемое, чисто шоферское изящество. Даже хромовые сапоги и лакированный козырек сверкали как-то особенно ярко.

— Я, конечно, не комбриг и не стол личного состава, но насчет помполитов можете спросить у меня,— веско говорил он.— По этой части я первый специалист... Возьмем, к примеру, нашего Зайченко, бывшего помполита. Что это был за Зайченко?..

— Обыкновенный помполит. Грамотный и... вообще,— сказал старшина Вершков.

— Голос громкий...— счел своим долгом добавить механик Струнников.

— И все? — снисходительно улыбнулся Пашка.— А насчет остального как? Молчите?

— Так мы же его почти не видели,— попробовал оправдаться Струнников, но Пашка уничтожающим взглядом заставил его замолчать.

— Голос у него был действительно громкий. Суровый. Я это еще в первый раз заметил, когда его со станции вез. Вижу: человек степенный, даже толстый, можно сказать. Ну, я и ехал на первой скорости... Вдруг он мне говорит: «Вы что, кислое молоко везете или комиссара?» «Комиссара, товарищ полковой комиссар»,— отвечаю и даю газу. Через две минуты его растрясло малость. Опять кричит: «Вы кого везете?» «Вас, товарищ полковой комиссар»,— говорю и сбавляю газ. «На первой скорости можно?» — спрашиваю. А он говорит: «Это слишком быстро будет. Вы меня на третьей пока что везите...» Ну, вижу: в нашем деле он не так чтобы очень силен... А голос ничего, понравился. Авторитетный голос. Так потом и оказалось, что весь авторитет у него в голосе... На всех маневрах, кто вы думаете танкистам замечания делал? Комиссар? Ничего подобного! Вас, шелопаев, Пашка Куликов учил. Ведь где комиссар, там и шофер. Ну, он меня всегда и спрашивал: что это, да кто это, да почему так, а не иначе? А я кое-что смыслю, ну и просвещал помполита. А когда меня под рукой не было, так он все к комбригу советоваться бегал. Так всегда и говорил: «Мы с комбригом это выясним» или «Мы с комбригом это решим»... И до того он привык к таким словам, что, говорят, даже жене так отвечал. К примеру, спросит она его, что, дескать, готовить: борщ или суп? А он ей сейчас: «Мы с комбригом обсудим этот вопрос». Ну она и варит размазню какую-нибудь... Так что помполит, или по-новому комиссар,— это лицо больше политическое, а в нашем механическом, шоферском деле смыслит мало...— солидно закончил Куликов. При этом он лихо сплюнул и выжидательно покосился на собеседников.

Струнников туманно улыбался, а Вершков неодобрительно покачал головой. Подобное недоверие взорвало Куликова:

— Не верите?! — воскликнул он.— Хотите докажу?

— Докажешь? — заинтересовался Вершков.— Попробуй.

— И попробую! — В глазах Куликова появился задорный огонек.— Вот через семь минут придет поезд. Когда новый комиссар подойдет к машине, смотри на часы. Я его промажу здесь не меньше десяти минут, и он не поймет, в чем дело... Это будет спектакль!

Пашка живо представил себе комиссара, беспомощно стоящего на привокзальной площади, возле нового лимузина, и засмеялся.

Через несколько минут у платформы тяжело засопел паровоз и из широких дверей вокзала хлынули пассажиры. В этом густом человеческом потоке опытный пашкин глаз мгновенно отыскал главное действующее лицо будущей комедии. По направлению к машине шел подтянутый молодой танкист с красными звездочками политсостава на рукавах.

Подойдя к Куликову, новый комиссар приложил руку к козырьку и коротко представился:

— Алексеенко!.. Вы из Федотовки?

— Да, товарищ...

Куликов посмотрел на петлицы новоприбывшего и разочарованно добавил:

— ... Батальонный комиссар...

При этом Пашка бросил многозначительный взгляд в сторону Вершкова. В переводе этот взгляд означал: «Две шпалы. Всего лишь батальонный. Пустяковое дело!»

Комиссар сел в машину. Пашка занял свое место и нажал стартер. «ЗИС» не тронулся с места. Куликов выскочил из машины, быстро поднял капот и стал глубокомысленно разглядывать мотор. Он даже лег на крыло и постучал ключом по пробке.

Комиссар с интересом следил за его манипуляциями.

— Заело? — участливо спросил он.

— Заело, товарищ комиссар,— виновато сказал Пашка и совершенно серьезно пояснил: — клаксон отказал, и буксы перегорели...

Комиссар тоже вышел из машины.

— Буксы? Вот обида какая! — вздохнул он.— И накачать нечем?

— Что накачать?

— Да вот эти... буксы?

— Накачать — это ладно. Может, выдержат. Смазать попробую.

— Ну, ну, смажьте,— согласился комиссар.— Только побыстрее.

Пашка развил бешеную деятельность. Он залезал под машину, стучал по баллону и внезапно включил «дворника».

Комиссар с живым интересом следил за происходящим. Он ходил вокруг машины и даже давал советы. Пашка не спорил. Наоборот, он сам то и дело предлагал:

— Магнето проверить? — спрашивал он, указывая на ручку дверцы.— Баранку сменить? В баллон бензину налить?

Комиссар, загадочно улыбаясь, со всем соглашался. Наконец, Пашка устал и остановился, чтобы отереть пот. Комиссар посмотрел на часы, потом повернулся к Куликову и спросил:

— Ну как, можно ехать? Все в порядке?

— Все в порядке, товарищ комиссар.

— Хорошо, садитесь.

Куликов хитро подмигнул Вершкову и с улыбкой победителя открыл дверку.

— Не сюда...— остановил его комиссар.— Сзади сядьте! Кстати, где у вас кухня?

— Какая кухня? — удивился Куликов.

— Ну, где картошку чистят. Должен же я знать, куда вас везти?

— Вы? Меня?

— Именно вас. Вам три наряда вне очереди. За шутство!

С этими словами комиссар сел на место водителя и, подмигнув в зеркальце Куликову, уверенно нажал стартер.

— Ну, как они буксы, товарищ водитель? Догорают? — спросил он.

Но водитель молчал. Он лихорадочно крутил ручку, то поднимая, то опуская стекло, и почему-то не смотрел в зеркало.

Машина плавно развернулась и, набирая скорость, пошла по шоссе. Вершков посмотрел ей вслед, вспомнил, какие у Куликова были глаза, когда комиссар спросил насчет кухни, и задумчиво произнес:

— Я же говорил... То помполит, а то комиссар. Это же большая разница!..

А. РАСКИН, М. СЛОБОДСКОЙ

Рис. Д. Моора

ПОМОЩНИКИ ГОСПОДА БОГА

На меннонитском собрании в Славгороде (Сибирь) стоял вопрос: может ли меннонит держать цепную собаку для охраны своего имущества, не умаляя этим всемогущего и всеильного бога?
Проповедники решили: „Поскольку у господ бога много забот о других, более важных делах, ему можно предоставить помощников для охраны имущества верующих в виде цепных собак“.

Рис. Н. Радлова

СУЩЕСТВЕННАЯ ДЕТАЛЬ

ЧАСТНИК: — Мне даже и вывески не надо. Сяду здесь, под ихним объявлением, — покупатель вмиг прибежит ко мне за товаром.

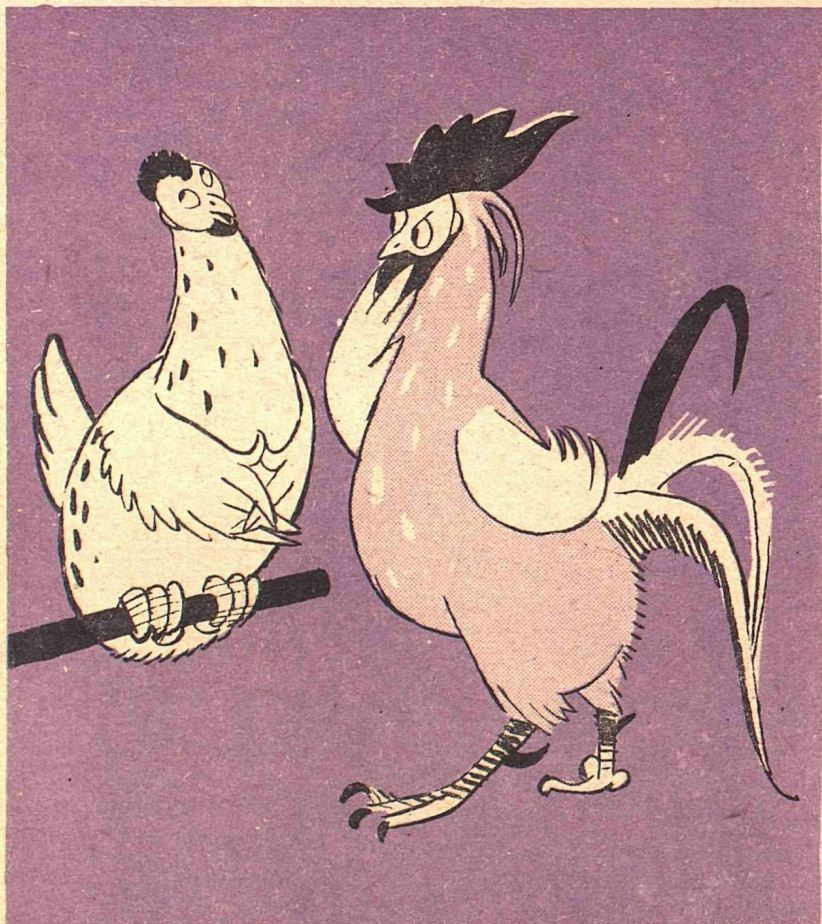

Рис. К. Ротова

КУРИЦА-ПЕРЕСТРАХОВЩИЦА

— Воздержись временно нести яйца. Еще подумают, что я их несу специально к пасхе.

Немногие знали его настоящее имя. Все звали его просто боцманом. Когда-то он плавал на легендарном «Громобое», пережил Цусиму, служил и царю, и купцу, и ученому, теперь он состарился, но от моря уйти не мог.

Я не знаю, как попал он сюда, на зимовку, но смены менялись, начальники менялись, а он все оставался в домике на крутом берегу бухты, старый моряк на мертвом якорю. И хоть море девять месяцев в году было сковано льдом, но старик уверял, что здесь и лед пахнет солью. Он величал себя «старой матросской шкурой, просоленной в семи морях и четырех океанах», и говорил, что этого «рассолу» ему хватит на век.

Он был в том возрасте, когда уже не стареют. Его черные глаза блестели удивительно молодо и насмешливо, седоватые боцманские усы были щегольски подстрижены, морская фуражка лихо сдвинута набекрень, а на волосатой груди, на руках и на ладонях красовались косые синие якоря.

Боцман был суетлив, подвижен, строен, как может быть подвижен и строен старик и моряк. Он вечно балагурил, подмигивал, болтал, рассказывал смешные истории, сыпал прибаутками, солью корабельного камбуза, — знать, и впрямь был крепок «рассол», в котором жизнь вымочила этого человека, если сумел он и в пресной, стариковской гавани сохранить свою бравую оснастку.

Зимой боцман работал в порту. Насвистывая и разговаривая сам с собой, возился он подле старых, как и сам он, катришек, что-то чинил, малярил, строгал. То были дрянные японские кавасаки. «Замечательное дерьмо!» — как высказывался о них боцман и все дрянное и худое стал звать «кавасаки»: худые валенки — кавасаки, тупая пила — кавасаки, скверный борщ — кавасаки.

По вечерам в каюткомпании вокруг боцмана собиралась портовая молодежь, и он потешал ее. Он врал, но складно, пускался в воспоминания, но весело и, подмигивая левым глазом под седой косматой бровью, отплывал в такие фантастические плаванья, что даже бывалый полярный народ уши развешивал.

Ну что ж, если хотите, он корчил шута. И сам лучше всех знал, что это — шутовство. Он догадывался даже, что его не уважают, но зато крепко знал, что любят.

— Отчего я не помираю, братцы? — говаривал он подмигивая. — Да все вас жаль: скучно вам без меня зимовать будет.

Но летом, в горячие дни навигации, старик преображался. Шутовство слетало с него словно смываемое волной. Он становился строг и озабочен. Теперь было не до шуток: под ним качалась палуба. Правда, то был не линейный корабль и даже не «купец», а всего-навсего дрянной кавасаки. Но море остается морем. А к морю он питал уважение.

Целыми днями носился боцман на катере по бухте. Стоя твердыми ногами на обрызганном волнами носу, командовал: «Льдина по правому борту. Полный назад! Полный вперед!» — и, приставая на своей скорлупе к неуклюжим могучим ледоколам, кричал хриплой, простуженной боцманской глоткой:

— Э-эй на «Сибирякове-е»! Э-эй на «Ермаке-е»! Бери конец!

И так лихо, с таким шиком и мастерством бросал канат, что сразу узнавался старый боцман.

Его знали на всех ледоколах, лесовозах, теплоходах и лихтерах, плавающих в западных долготах Арктики.

Моряк с «Хронометра» говорил мне смеясь, что в тот день, когда он не услышит этого трубного гласа, он выкинет сигнал бедствия, решив, что наступил конец света.

Вот каков был наш боцман с «Громобоя». Таким я застал его на зимовке, таким оставил уезжая. Через год я встретил его там же, но уже в новой и необычайной роли.

Однажды весной в порту случилось несчастье: при взрыве скалой придавило старика-подрывника Тараса Андреевича. Его вытащили из-под груды камней и, так как юн не охал, не стонал и не жаловался, испугались было, что он умер. Но старик произнес: «До больницы доеду...» — и больше не издал ни звука, ни стопа.

Сопроводять его в больницу вызвался боцман: старики

«Громобоя»

были приятелями. Раненого уложили на нарту, боцман сел рядом, обнял приятеля за плечи и крикнул на собак:

— Усь, усь, тихий вперед! Старайтесь, собачки! Вы теперь санитарный транспорт.

Он шутил, но на глазах у него блестели слезы. Он смахивал с ресниц ледяшки, с трудом сдерживаясь, чтоб не расплакаться. Раненый утешал его:

— Ничего, ничего, боцман. Не расстраивайся. У меня кость железная. Не так-то скоро ее сломишь.

— Ты потерпи, Андреич, — в свою очередь утешал раненого боцман. — Сам знаю, что такого красивого мужчину камнем не придавишь. Вот у нас на «Громобое» тоже случай был: кочегар по пьяной лавочке в топку полез...

— Не могло этого быть, боцман. Ох!

— Ну и не могло, что ж с того? А кочегар-то выжил. Здоровехонек из топки вылез. Так вот и ты. Не унывай!

Так, утешая друг друга, старики прибыли в больницу. Санитарный транспорт, высунув розовые языки, стал лизать снег, а боцман, подняв на руки как малое дитя товарища, внес его в больницу.

В островной больнице в те поры оставался один только доктор: заболевшую медсестру самолетом отправили на Большую землю. Доктор и оперировал, и лечил, и ходил за больными, и таскал воду, и чуть даже не сам мыл полы. Он попросил боцмана помочь ему при перевязке. Боцман согласился. И хоть ему стало чуть нехорошо при виде крови и замутило от больничных запахов, он и виду не подал, что «слабит», и даже шутил:

— Ах, Тарас Андреич, посуда старая! Вот доктор тебе сейчас капитальный ремонт даст. Такой тебе парусок приладит — чайкой взовьешься. Ты потерпи.

И Тарас Андреич, стиснув зубы, молчал и терпел. И даже гордо улыбнулся, когда мучительная перевязка кончилась: вот, мол, и не пикнул.

Доктор попросил боцмана немного посидеть с больным, боцман обрадовался: ему не хотелось уходить. Он просидел весь вечер, развеселился и развеселил все немногочисленное население больницы. В этот вечер он рассказывал о механическом человеке.

— Был у нас на «Громобое» механический человек, братцы, — повествовал он подмигивая. — Свинчивался утром, на ночь развинчивался. Между прочим, мой земляк, калуцкий, и из одного уезда, из Массальского. Его, значит, били в жизни много: и урядник бил, и мастер учил, и боцман прикладывался, и старпом¹ нет-нет да ручкой и охорошит, а ручка офицерская, тяжелая — совсем изломали парня. Ни ребер, ни рук, ни ног. А был у него дружок — тульский слесарь. И говорит туляк: «При твоей такой битой жизни, бедняга, тебе надо кости иметь не человечесьи, а железные. Дай-ка я тебе изладю». И изладил ему туляк механические руки, ноги, ребра — все на винтах да на шурупах. Переломает ему, к примеру, старпом ребра, а он и глазом не моргнет, мигом в кузницу, сварят, склепают — и снова гож под линек. Так-то, Андреич! Вот попроси доктора, нехай тебе механические ребра выхлопочет.

Короче говоря, боцман скоро освоился с больницей, словно то и не больница вовсе, а знакомый, теплый, пропитанный тютюном и потом кубрик. Никогда еще не было у боцмана таких благодарных слушателей, как эти больные. Он почувствовал, что нужен им, может быть, даже не меньше, чем доктор нужен. И даже возгордился немного.

— Ну-с, болящие! — спрашивал он утром, входя в палату. — Как вы тут без меня? Температурку мерили?

Незаметно для себя боцман так и остался в больнице. Тарас Андреич выписался, зато другие больные появились: на кого же их покинешь? Он ходил за ними как за малыми ребятами, помогал доктору при перевязках и операциях, был даже один раз «ассистентом при родах» (как важно хвастался он на кухне), — словом, стал незаменимым человеком в больнице. Кончилось тем, что доктор оформил переход боцмана на время в больницу, и боцман стал «медсестрой».

У него был уже свой халат (он называл его «медицинской робой»), он завел себе очки как и доктор, но для смеха вы-

¹ Старший помощник.

Рис. Л. Генча

Как пользоваться карманным электрическим фонарем, если в продаже нет батареек и лампочек.

Рис. Л. Генча

— Скажите, пожалуйста, как проехать на Самотеку?

брал очки дымчатые (их носят полярники в белые, солнечные дни). Когда приходили больные, он надевал очки на самый кончик своего синеватого крупного носа и строго спрашивал:

— Вы к доктору или ко мне?

— К тебе, боцман, к тебе, — охотно подхватывали шутку больные. — Подсоби, сделай милость. Неможется.

— Ага! Ну расскажи, что ж у тебя болит? В области живота или в области кишок?

— А ну, покажь язык, — требовал боцман. — Дрянной язык, болтаешь много. Ну это мы с доктором тебе все исправим. Подвинтим, смажем, просмолим, законопатим.

Он вводил больного к доктору, сохраняя при этом все тот же невозмутимый, «научный» (как выражался он) вид, только глаза его блестяще насмешливо, как у факира-любителя, показывающего смешной фокус.

— Вот этот гражданин — больной, доктор, — представлял больного боцман. — Я уж его немножко освидетельствовал, между прочим. Но нужен консилиум. Вы как думаете: аппендицит?

— А вы как полагаете, коллега? — не улыбаясь отвечал доктор.

— Я полагаю, надо операцию сделать, доктор.

— Я с вами вполне согласен, уважаемый коллега. Только не операцию, а касторку.

— Вот и я это самое думал. Олеум рецини — сила медицины. Сколько ему касторки вкатать?

Ну что ж, если хотите, он и здесь корчил из себя шута, клоуна в медицинской робе. И сам лучше всех знал, что это — шутство. Но, знаете, невеселая это вещь — болеть, тем более болеть на зимовке. И больные были несказанно благодарны веселому боцману за его лекарство, лучшее в мире, — за смех. Смех лечит. Доктор всерьез «прописывал боцмана» больным.

Странно, что, постоянно находясь в больнице, среди разговоров о болях и смерти, боцман сам оставался чужд стариковскому страху смерти. Считал ли он себя бессмертным? Ему было уже добрых шестьдесят. Он прожил жизнь долгую и трудную. Пора бы и на покой, дозимовывать жизнь на Васильевском острове, в Ленинграде. Но ему все было недосуг подумать о смерти и покое. Он доживал свои дни так же беззаботно, как жил, со смехом и свистом.

Иногда он, впрочем, говорил:

— Когда почую я, братцы, что смерть от меня не дальше двух кабельтовых, отправлюсь снова в море, в последнее плавание.

И тут же начинал развивать фантастический план, чертил длинным пальцем в воздухе маршрут плавания, обстоятельно объяснял, в какие гавани будет входить и что делать на берегу. («Всю жизнь мечтал живого попугая добыть. Вот тогда и добуду!») Слушатели поддакивали ему, но знали, что уж не плавать старому боцману по семи морям и четырем океанам. Да и сам он знал: не плавать. С морем кончено. Это он лучше всех знал. И это было его тайной печалью.

Ну что ж! Не плавать — так не плавать. Он был дядькой моряков, теперь стал их нянькой. Он сам напросился в няни, потому что и людям тепло с ним. Он все отдал морю: здоровье, молодость, силу. У него остался только смех. Он пронес его, не надтреснув, через всю свою каторжную жизнь, и смех его звенит попрежнему чисто, звонко, молодо. Вот все, что он имеет. Много это или мало, больше у него ничего нет. Он отдает все.

Я застал боцмана в больнице. Он был в халате и морской фуражке. Увидев меня, он вытянулся во фронт и приложил правую руку к козырьку, в левой он держал клизму.

— Честь имею представиться! — гаркнул он. — Старший помощник главного доктора, боцман-акушерка.

И, весело подмигнув мне, расхохотался, замахав клизмой. Где ты зимуешь, где плаваешь теперь, чудесный боцман? Ушел в заветный, последний рейс или пустился в такое плавание, из которого уже не возвращаются на берег? Или удалился на покой, дозимовывать жизнь на Васильевском острове? Или все еще зимуешь на дрянном кавасаки по бухте, хрипло кричишь: «Э-эй, на кробке-е!» — и лихо, в пику молодым матросам, бросаешь конец?

Но всякий, кто хоть день пролежал на больничной койке на Старом Диксоне, никогда не забудет тебя, старший помощник главного доктора, боцман-акушерка!

БОРИС ГОРБАТОВ

Новатор Битрих

Архангельское территориальное управление Северного морского пути давно уже закончило свой трудовой день. И только начальник управления тов. Битрих продолжал гореть на работе. Прислонившись к спинке автомобильного сиденья, положив на колени портфель, он и в этот поздний ночной час спешил по каким-то неотложным делам.

На улицах было тихо. С моря дул веселый соленый ветер, в городе пахло приближением весны. На одном из перекрестков машина замедлила ход, и в плавное течение мыслей тов. Битриха внезапно ворвались какие-то посторонние, совершенно не деловые звуки. Звуки неслись из ближайшего дома сквозь неплотно прикрытые форточки. Незримый духовой оркестр бодро наигрывал нечто среднее между «Каховкой» и «Партизаном Железняком».

— Что такое? — недовольно спросил начальник управления, кольнув шофера в спину указательным пальцем. — По какому случаю музыка? На каком основании в пятый раз музыка на протяжении трех кварталов в неурочное время?

— Готовятся, товарищ начальник! — радостно откликнулся шофер. — К первому Мая готовятся. Сейчас по кружкам самодеятельности такой энтузиазм идет: ребята прямо зубами вцепились в разные там флейты и тромбоны.

— Скажи, пожалуйста, — произнес начальник управления, как бы очнувшись от дремоты. — А ведь, действительно, первое Мая. Надо будет обдумать...

Тов. Битрих — человек действия. Не прошло и каких-нибудь трех дней, как он все обдумал, и лицо его осветилось творческим вдохновением. Довольно! Он больше не потерпит, чтобы сотрудники вверенного ему учреждения проводили первое Мая по образу предыдущих лет. И пусть его не уверяют, что прошлогодние праздники проходили хорошо, дружно, с большим подъемом, что музыки и веселья было хоть отбавляй. Это не тот подъем. Это вообще совершенно не то, что требуется от коллектива такой серьезной организации, как архангельское управление Севморпути. И будьте уверены: уж кто-кто, а Битрих сумеет позаботиться, чтобы на сей раз подъем был именно тот, а не какой-нибудь другой.

В тот же день управление было оштрафовано специальным битриховским приказом о подготовке к первому Мая. Всем начальникам отделов предлагалось немедленно сформировать команды сотрудников и по два раза в шестидневку проводить с ними строевые занятия. В последних строках приказа звучало грозное предупреждение, изложенное могучим, суконным канцелярским языком:

«По ходу подготовки к празднованию 1 Мая буду судить об умении начальниками отделов мобилизации всего коллектива отдела на выполнение большой важности политического мероприятия».

Начальники отдела молча перечитывали приказ и приложенное к нему расписание «подготовки» к 1 Мая. Да, тов. Битрих умел осуществлять оперативное руководство! Все было обдумано и предначертано на 16 дней вперед:

«13 апреля — повороты направо, налево и кругом».

«17 апреля — повороты на месте, отработка учебного шага, равнение в затылок; приветствие на месте и в движении».

«19, 23, 25 и 29 апреля... Добавляется отработка торжественного шага... Ответы на приветствие на месте и в движении».

Дальнейшее можно представить себе даже не обладая богатой фантазией.

Время от времени, отрываясь от самое важнейших дел, Битрих заботливо осведомляется:

— Ну, как, мол?

— Да ничего, товарищ начальник. Все в общем идет нормально, только некоторые машинистки тово... С учебным шагом у них чего-то не клеится

— Ага, не клеится! Печатать руками — это они могут, а печатать ногами учебный шаг — это им не нравится... Подтянуть!

— Есть подтянуть, товарищ начальник!

— А как у них с ответом на приветствие на месте? Что? Сейчас лично проверю. Здравствуйте, товарищи!

— Привет, товарищ Битрих.

— Плохо! Никуда не годится! Еще раз! Здравствуйте, товарищи!

— Ась!!! Рш!!! Трш!!!

— Ну, вот это я понимаю. Продолжайте в том же духе.

Поздно вечером начальник управления снова ехал по делам. С моря дул соленый ветер, в городе пахло весной, приглушенные звуки песен и музыки то здесь, то там вырвались на улицу через окно.

— Готовятся! — мечтательно сказал шофер. — К Первомаю готовятся...

— Чепуха! — с презрением промолвил начальник управления Битрих. — Это не подготовка к важнейшему мероприятию, это профанация организации подготовки. Вот у нас — это подготовка.

МИХ. ЛЬВОВ

К в а л и ф и ц и р о в а н н а я п о м о щ ь

Отрывая очередной талон обеденной карточки, студент Ваня Костюков сделал ошеломляющее открытие: наступала весна. Всего двадцать талонов отделяли его от весенних экзаменов. Двадцать розовых квадратиков были на месте, их двадцать первый собрат уже лежал в оттопыренном кармане официантки.

Костюков привык верить показаниям обеденной карточки. Она одна заменяла ему и табель-календарь и график занятий. Ориентируясь по ее талонам, как капитан по звездам, он от стипендии к стипендии вел свой корабль по бурному институтскому морю, минуя рифы зачетов и отмели контрольных работ.

В этот день Костюков впервые в текущем семестре обедал без удовольствия. Суп казался ему безвкусным, шницель — непрожаренным, жизнь — ужасной. Впрочем, он был не из тех, кто долго предается унынию.

Все последующие дни Костюков что-то напряженно обдумывал.

— Готовишься?—спрашивали ребята, не привыкшие видеть его за подобным занятием.

— Думаю,— отвечал Костюков и продолжал думать.

И было над чем. Существовали десятки патентованных, годами освященных способов обмана экзаминаторов. Некоторые из них были выдуманы, может быть, еще в дни, когда Ярослав Мудрый открыл первую в Киевской Руси школу на треста мальчиков. Предстояло трезво разобраться в этом классическом наследстве, творчески освоить его, осовременить. И Костюков размышлял.

Только первокурсник Лазарев имел доступ в эту лабораторию критической мысли.

— Ваня,— робко говорил он,— что если списать на руку чернилами, как в школе?.. А?..

— Глупо,— рубил Костюков.— Это тебе не алгебра Киселева. Это она умещалась на ладони. Для теоретической механики нужна татуировка до пояса, а я не люблю раздеваться при посторонних.

Назаров отходил, но тут же возвращался:

— А если конспект на узенькой бумажке намотать под ручными часами... Идея?

Костюков окидывал Лазарева уничтожающим взглядом. Прежде всего для этого был нужен конспект, а его он не вел с начала года.

— Пускай Бальзак пишет,— говорил Костюков после лекций.— У него это как-то лучше получается.

Решение пришло внезапно. Оно было простым, смелым и ясным, как все великое. Поговорив с Володькой Почкиным, студентом последнего курса, Костюков окончательно повеселел и успокоился.

Общую зачетную работу студенты

должны были выполнять в разное время: одна группа сегодня, а вторая на другой день. Это и послужило основанием для придуманной Костюковым комбинации. Получив листок с заданием, Костюков вечером отдаст его Почкину для решения. На другой день Костюков подменит новое задание вчерашним, переписшет Володькин труд и сдаст листок профессору. И все! Просто и хорошо!

Вечером решающего дня Костюков был у приятеля.

— Ну, вывози, друже,— говорил Костюков, лстыиво заглядывая в глаза Поч-

кину.— Вам это раз плюнуть. Это нам, темным, трудно.

Почкин самодовольно щурился и говорил что-то о пользе образования.

— Мыслить надо, юноша,— басил он,— думать надо.

К одиннадцати часам все было кончено.

— С Почкиным не пропадешь, за Почкиным как за каменной стеной,— покровительственно заключил Володька на прощанье.

На экзамене Костюков забрался в угол и принялся старательно переписывать володькин рецепт. Когда соседи глядели на него, он мгновенно задумывался, страдальчески морщил лоб и шевелил губами. Кончив свой глубоко интеллектуальный труд, он скромно положил его на стол к профессору и вышел с высоко поднятой головой.

...И вот, наконец, длинный список сдавших зачеты был вывешен. Лениво работая локтями, Костюков пробрался вперед и быстро пробежал глазами список. Потом он прочитал его медленно. Фамилии Костюкова в списке не было. На букву К были Киришин, Кузнецов, Костин. Костюкова не было.

— Продали,— шепнули его побелевшие губы.— Как пить дать—выдали... Но кто? Назаров? Нет! Володька?!?

Страшное подозрение усилилось, когда Костюков вспомнил, с какой готовностью пошел В. Почкин навстречу его плану. Ясно, он все рассказал профессору. Еще одна дружба пала жертвой предательства! Римлянин Брут, предавший в свое время Цезаря, казался мальчишкой рядом с Почкиным.

— И ты, Почкин!..— горестно прошептал Костюков.

Он медленно побрел по коридору и у двери декана столкнулся с профессором, читавшим на курсе механику.

— Эх, Костюков, Костюков,— укоризненно проворчал профессор,— как же это вы, батенька?

Костюков угрюмо молчал. Он еще не знал, запереться ли до конца или признаться во всем.

— Что же это вы там наплели, милейший,— продолжал профессор.— Хотя бы один расчетик правильно сделали...

Костюков вздрогнул.

— Это не я,— закричал он,— это Почкин...— и осекся.

— Что Почкин, какой Почкин?— удивился профессор.— У Почкина своих «неудов» хватит, голубчик...

И он сердито хлопнул дверью.

Тогда Костюков понял.

— И ты, Почкин!..— прошептал он во второй раз за этот день.

Одна рифма

Шел трамвай десятый номер
По бульварному кольцу.
В нем сидело и стояло
Сто пятнадцать человек.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Пионеру Николаю
Ехать очень хорошо.

Он сидит на лучшем месте
Возле самого окна.
У него коньки подмышкой:
Он собрался на каток.

Вдруг на пятой остановке,
Опираясь на клюку,
Бабка дряхлая влезает
В переполненный вагон.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Николай сидит, скучает,
Бабка рядышком стоит.

Вот вагон остановился
Возле самого катка,
И из этого вагона
Вылезает пионер.

На свободное местечко
Захотела бабка сесть.
Оглянуться не успела—
Место занято другим.

Пионеру Валентину
Ехать очень хорошо,
Он сидит на лучшем месте,
Возвращается с катка.

Люди входят и выходят,
Продвигаются вперед.
Валентин сидит, скучает,
Бабка рядышком стоит.

Этот случай про старушку
Можно дальше продолжать,
Но давайте скажем громко:
«Старость нужно уважать!»

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ

Л. ШЕЙДИН

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

«Коварство и любовь»

6 апреля редактор пермской газеты «Звезда» тов. Н. И. Жуков напечатал в своей газете два объявления одновременно. В одном из них бессмертное произведение Ф. Шиллера «Коварство и любовь» было переименовано в комедию, в другом — милостиво оставлено по разряду трагедий. Сначала читатели не знали, какому объявлению верить. Потом решили: обоем. Оба верны! Что «Коварство и любовь» — трагедия, это факт. Даже сам Шиллер так полагал. А элементы комедии в эту историю внес Жуков. Главную комическую роль в этой комедии выполнил он же.

Без участия головы

В Никольском Лесхимдревсоюзе стали сочинять договор соревнования.

— Ну, — сказали, — сообразим пунктик позаковыристее! Удивим мир! Э-эх, раззудись рука..

И рука раззудилась. Именно рука, так как голова явно не могла участвовать в создании подобной политической белиберды:

«Обязуемся:

...10) ...Изгнать из аппарата системы социально чуждых людей, притаившихся и неразоблаченных врагов народа, для чего подготовить из лучших людей, преданных делу партии Ленина—Сталина, кадры из числа стахановцев-артельщиков.

Для этого подготовить через курсы в 38 году: оргработников — 1 чел., плановиков — 1, председателя артели — 4, инструкторов — 2, мастеров подсобки — 7, бухгалтеров — 4, культработников — 3».

Это 10-й пункт соцдоговора, предложенного Тотемскому лесхимд্রেвою, сочинен никольскими энтузиастами. Встречен он в Тотеме без всякого энтузиазма.

— Не под силу нам, — говорят. — Им в Никольском лесхимдревсоюзе легко. У них, надо полагать, и количество скрытых врагов известно и специальности запланированы, а мы что, мы люди неопытные... Где нам.

И в самом деле! — где им? У них и на скрытых врагов разверстки нет и головотяпы не запланированы. Они даже проектируют такой встречный пункт договора:

«...Изгнать из аппарата головотяпов, опошляющих соревнования и сочиняющих несусветные пункты».

Но этот пункт, очевидно, будет встречен в Никольске холодно. Очень уж ясно, про кого речь!

Мистическое

Р. С. Ф. О. Р.
Народный комиссариат
просвещения
Государственная
публичная библиотека
им. М. Е. Салтыкова-Щедрина
в Ленинграде.
Ул. 3 июля, 18.
Телефон 679-89.

БАРТОЛЬД В. В.
г. Ленинград, Тифлисская, 1
Институт востоковедения Академии
наук

Ввиду того, что в собрании Государственной публичной библиотеки

в Ленинграде отсутствует изданная вами и интересующая наших многочисленных читателей статья «Новый источник по истории тимуридов», Государственная публичная библиотека обращается к вам с убедительной просьбой не отказать в бесплатной присылке названного издания.

Директор Гос. публичной библиотеки
Н. Анисимов

Вежливо? Безусловно! Грамотно? Грамотно! Писал академик Бартольд статью о тимуридах? Писал!

И все-таки академик не ответил. Не мог он ответить: он скончался в 1930 году. И библиотека, консультантом которой он был, знала об этом.

Нехорошо, когда беспечность живущих тревожит прах покойного.

На санитарные темы

15 апреля «Медицинский работник» — газета Наркомздрава СССР — ошастливила своих читателей сочинением Я. Трахтмана «Великий поэт советской эпохи». Отмечая восьмую годовщину со дня смерти В. Маяковского, Я. Трахтман глубокомысленно замечает:

«В. Маяковский много своей творческой энергии отдал борьбе на фронте здравоохранения. Не случайно в 1921 г., призывая ра-

ботников искусств отдать себя полностью революции, он указывал им на санитарную тематику:

«Товарищи,
дайте новое искусство —
такое,
чтобы выволочь республику из грязи».

Проникновенно разгадав внутренний смысл этих строк, Трахтман успокаивает читателей:

«Не касаясь больших произведений В. Маяковского на санитарные темы», он хочет «остановиться только на его санитарных лозунгах».

И дальше Трахтман делает потрясающий вывод:

«В обращении к потомкам... Маяковский дает блестящий синтез своей работы на поприще здравоохранения:

«Для вас,
которые
здоровы и ловки,

Поэт
вылизывал
чахоткины плевки
Шаршавым языком плаката»

«Медицинский работник» сделал все возможное, для того чтобы представить широкому кругу читателей В. В. Маяковского не как лучшего поэта советской эпохи, а как поэтического санитарного инспектора.

Одно только остается сказать: счастье Я. Трахтмана, что Маяковского нет в живых.

Разбитные аптекари

Криворожская межрайонная медицинская база Аптекоуправления поместила в местной газете «Червоный гирык» волнующее своей неслыханной нелепостью широковещательное объявление:

К ПЕРВОМАЙСКИМ ТОРЖЕСТВАМ

в магазины санитарии, а также в аптеки города и рудников завезен и имеется в продаже большой ассортимент косметики, предметов гигиены, мыла, парфюмерии, разных спринцовок, грелок, пузырей для льда, а также разной фасовки капли и другие патентованные средства эндокринологии.

Товар отпускается в неограниченном количестве. Обращайтесь во все аптеки и магазины санитарии города и рудников.

Какое отношение имеют к первомайским торжествам грелки, спринцовки и эндокринологические препараты? Непонятно. Несколькими проще дело обстоит с пузырями для льда. Один из них пригодится автору этого объявления, а другой — редактору газеты тов. Скуйбида, благосклонно предоставившему страницы редактируемой им газеты для этого похабного объявления.

Дважды рожденный

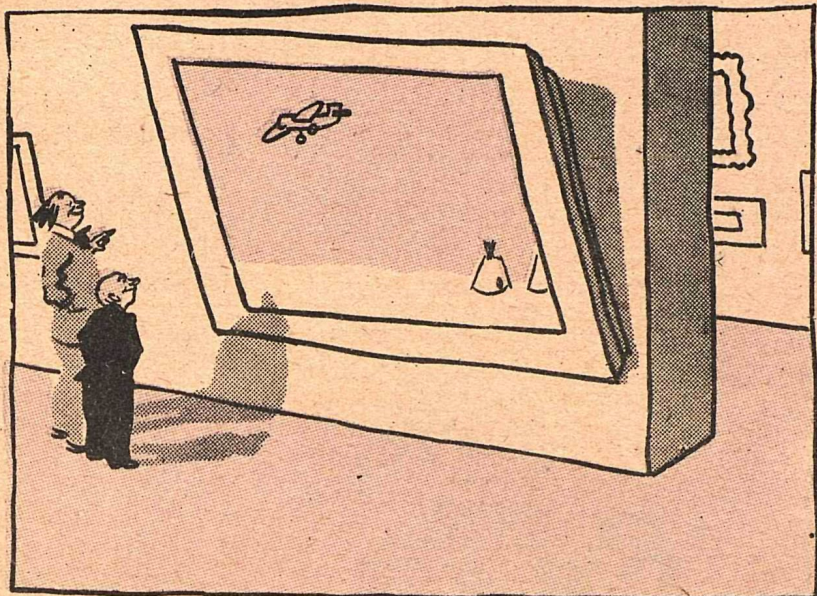
Оказывается, гениальный художник Рафаэль Санцио родился, по крайней мере, два раза. Мы говорим осторожно — «по крайней мере», — ибо в нашем распоряжении только листок отрывного календаря за 6 апреля. Так что за другие числа мы не отвечаем. Мы переворачиваем листок и на обороте его читаем, что «гениальный художник Рафаэль Санцио родился в 1520 году, в семье ремесленника в итальянском городе Урбино». Значит, он родился в 1520 году. Читаем дальше: «Несмотря на свой молодой возраст — 25 лет — в 1508 г. он был приглашен папой Юлием II в Рим, расписывать стены зал папского дворца — Ватикана. Рафаэль прекрасно справился с этим заказом». Это особенно приятно отметить, если учесть, что он, судя по справке, тут же данной, родился в 1520 году и, следовательно, расписывал стены Ватикана за двенадцать лет до своего рождения.

Взволнованные этим из ряда вон выходящим обстоятельством, мы возвращаемся к лицевой страничке листка и читаем, что покойный мастер кисти умер в 1520 году, т. е. в том самом году, который значится на обороте днем его рождения.

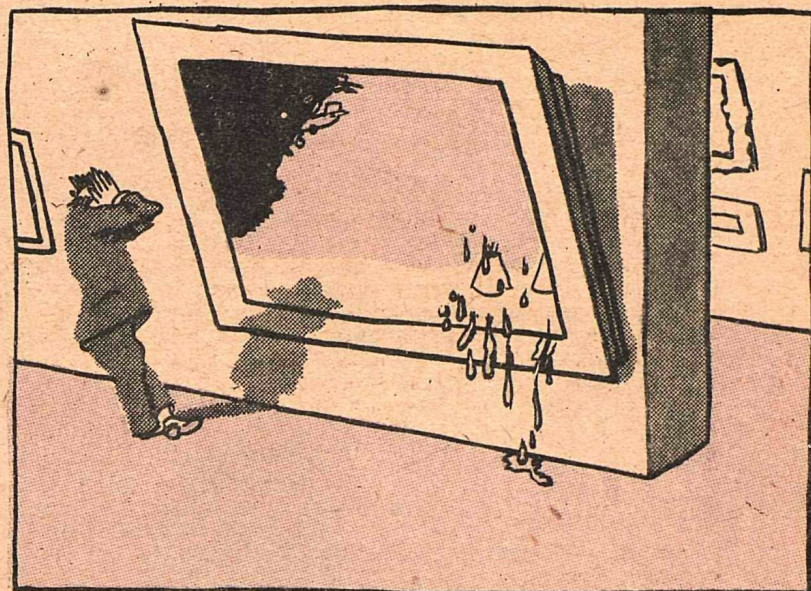
Убедившись окончательно, что ничего определенного о дате рождения и смерти Рафаэля из отрывного календаря узнать невозможно, мы бросаем упомянутый выше листок в корзину и вылизываем на то же всех наших читателей.

Что же касается редакции отрывного календаря, изданного попечением Соцэжгиза, то мы при всем нашем благодушии ничего приятного ей сказать не можем.

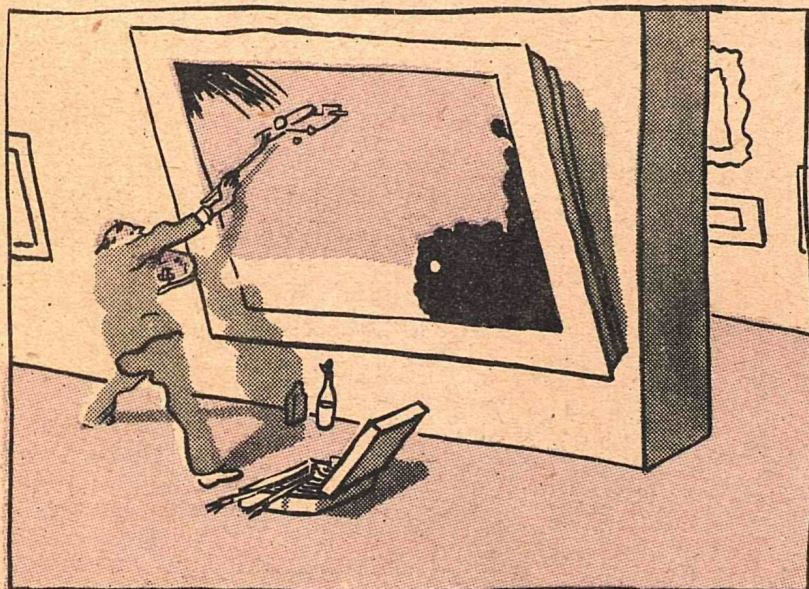
Рис. А. Каневского

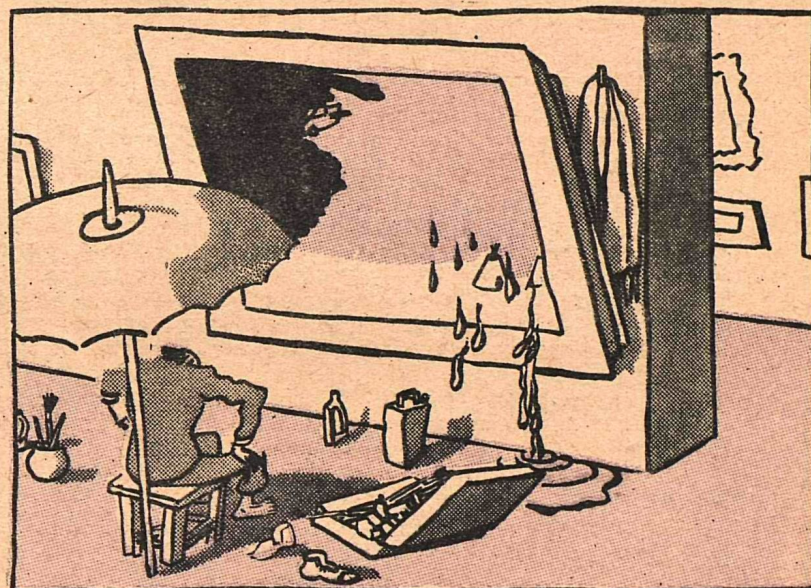
Вот, наконец, картина «Широки просторы» закончена и вывешена для обозрения.

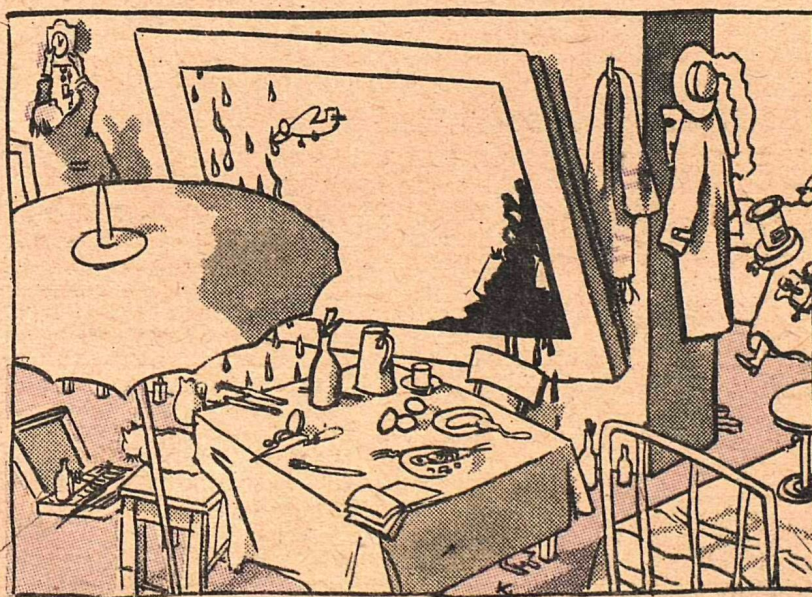
Но что это: загадочная туча заволочла небосклон. Просторы потекли.

Срочно началась реставрация только-что законченной картины. Художник принялся подправлять облещую голубую даль.

Но краски попрежнему таяли и выцветали. «Посмотрим, кто кого!» — сказал художник и раскинул возле картины бивуак.

Текло время. Продолжали течь краски. Устойчивым стал только быт художника. Смотрите, товарищи, к чему приводит качество продукции Лакокраски. Смотрите скорее, а то краски выцветут.

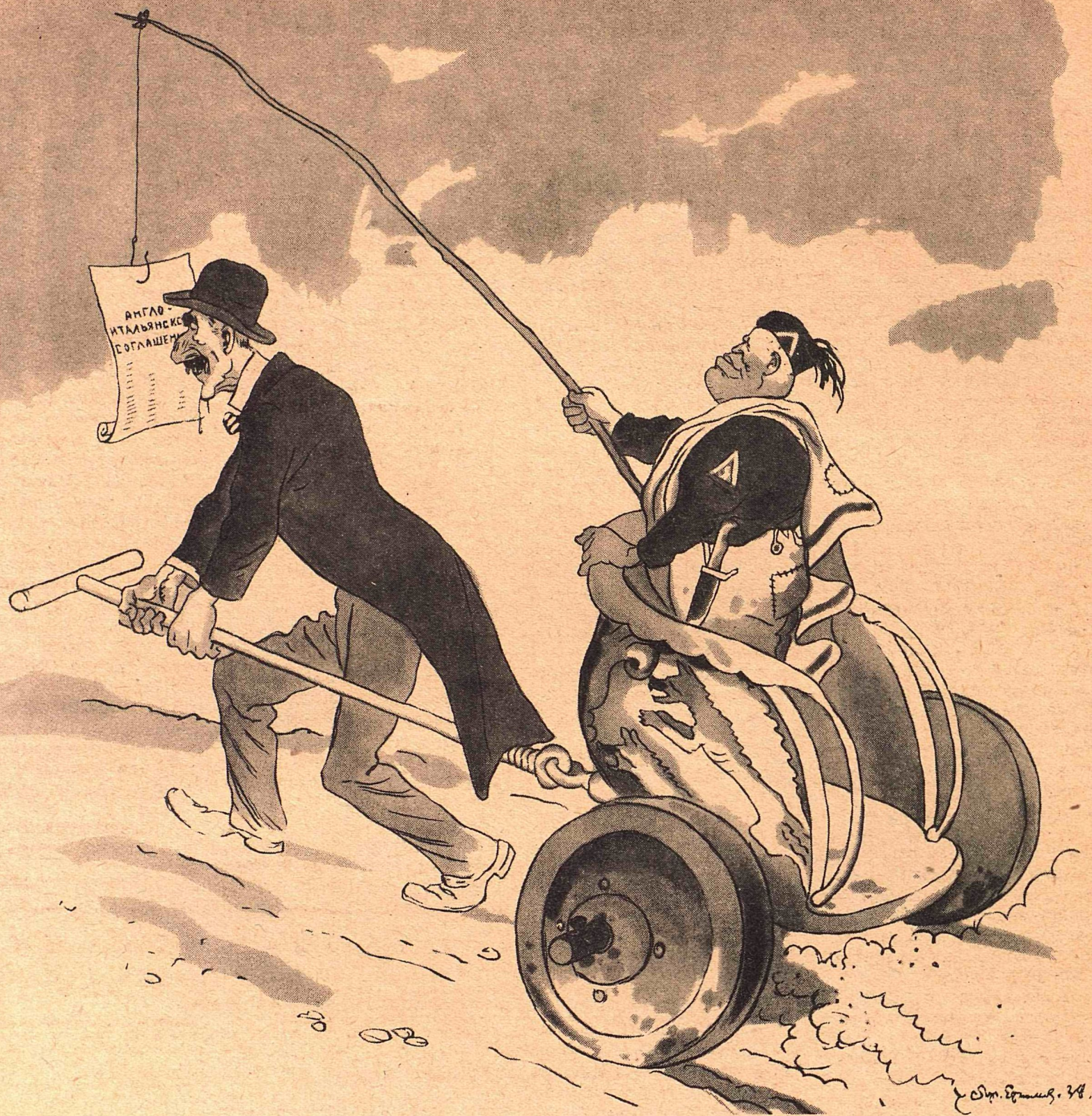

Рис. Бор. Ефимова

„Мирное устремление“ английской дипломатии.

НОВОЕ О ЛЕРМОНТОВЕ

Будет некогда день, и в дежурном романе из жизни Лермонтова «Страсть Мишеля» мы прочитаем:

«Мишель лихо сбросил гусарскую шинель на руки подобострастно согнувшегося швейцару, расправил перед зеркалом кудри и вошел в общий зал роскошного ресторана.

За столиком ждали его закадычные друзья.

— Ты всегда опаздываешь, Мишель,— сказал шепелявя Поляков.

— Как поезда, Самуил, на твоей новой дороге. Ха-ха-ха!— звонко рассмеялся Лермонтов.

Знаменитый железнодорожный строитель обиделся. Он не любил шуток своего друга.

— Удивляюсь, Унковский,— продолжал поэт,— как это ты еще не приговорил Самуила к каторжным работам за спекуляции?

Знаменитый судебный деятель 60-х годов сказал:

— Твои шутки, Мишель, неуместны...

На это место из романа «Страсть Мишеля» ополчатся критики. Они скажут, что автор безбожно перепутал годы, имена, события. Никак не мог Лермонтов обедать вместе с Поляковым и Унковским.

Автор победоносно сошлется на свидетельство Салтыкова-Щедрина. В письме Борювиковскому от 25 февраля 1885 года Щедрин писал:

«Унковский больше всего — обедает. И с Поляковым обедает и с Каншиным, и с Лермонтовым...»

См. «Полное собрание сочинений» Щедрина, т. XX, стр. 146.

— Так это же не тот Лермонтов, не поэт, не Мишель! — возопят критики. — Поэт убит в 1841 году. Самуилу Полякову тогда шесть лет было.

И снова автор победоносно сошлется на научное, почти академическое «Полное собрание сочинений». Редактор текста и комментариев Н. В. Яковлев прямо утверждает, что это именно поэт «обедал в 1885 году с Поляковым и Унковским. Так и сказано на стр. 494:

«Лермонтов Михаил Юрьевич».

Так внесена учеными исследователями новая загадка в жизнь великого поэта. А может быть, это и не он был убит у подножия Машука?

А. Н. ДЕМИК

Дорогой Крокодил!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В номере газеты Кропоткинского городского совета «За коммуны» от 12 марта 1938 года было помещено постановление Кропоткинского горсовета от 26 июля 1936 года о переименовании ряда городских улиц.

Неизвестный нам дотошный читатель правильно усмотрел в этом пищу для Крокодила и переслал тебе упомянутый номер газеты.

Ты, насколько нам известно, направил эту корреспонденцию в организационный комитет ВЦИК по Краснодарскому краю. Помощник председателя оргкомитета тов. Иванов срочно принял меры и послал запрос... в Майкоп:

«Председателю Майкопского горсовета.

Из журнала Крокодил поступило сообщение о том, что в № 35 газеты «За коммуны» помещено постановление Кропоткинского горсовета от 26 июля 1936 года о переименовании ряда улиц города Кропоткина. Просим сообщить, чем вызвано столь запоздалое помещение в газете этого постановления?»

А откуда мы можем знать, чем вызвано это «столь запоздалое помещение», раз дело происходило в городе Кропоткине, а Майкопский горсовет находится, как ты уже, наверное, догадываешься, в городе Майкопе.

Не сочтешь ли ты, дорогой Крокодил, возможным поместить этот наш ответ оргкомитету на твоих уважаемых страницах?

Председатель Майкопского горсовета ПИСАРЕВ
Ответственный секретарь
ЕФРЕМОВ
город Майкоп

Товарищ Крокодил!

22 апреля я по случаю открытия летней воздушной навигации побывал на вокзале Московского центрального аэропорта. С большим интересом обошел я здание вокзала, а внутрь войти побоялся, так как в нем в полном разгаре ремонт. Мне очень понравились часы, висящие в буфете вокзала. Хотелось бы только отметить один недо-

статок, впрочем, легко исправимый: часы стоят. А в остальном очень приятно на вокзале, о чем и довожу до твоего сведения.

Н. ТОМИЛИН

Москва

Многоуважаемый Крокодил! 31 марта, т. е. в последний день первого квартала 1938 года, Новосибирское областное управление легкой промышленности получило из Москвы ликующую телеграмму:

«Объем валовой продукции первого квартала окончательно утвержден наркомом 3984 тысячи рублей Главбувь Трифонов».

Пользуюсь твоей любезностью, многоуважаемый Крокодил, чтобы на твоих страницах передать горячую благодарность тов. Трифонову из Главбуви за столь оперативное руководство. Одновременно прошу выяснить, не будет ли каких-либо дополнительных распоряжений по части плана истекшего 1937 года?

Заранее благодарная экономист Новосибирского облеглапрома

С. КУЗЬМИНА

Дорогой Крокодил!

Недавно начальник 3-го отделения милиции Голубовского рудника Попов попросил меня вызвать ему к телефону город Серго. Я не могла этого сделать: линия была занята срочным разговором с городом Сталино. «Я приказываю раз'единить», — категорически заявил мне Попов. «Обратитесь за разрешением к начальнику АХО», — ответила я ему. «Ах, так! — воскликнул Попов. — Ну так я тебя посажу!»

Вечером ко мне домой явился милиционер и повел меня в милицию для допроса. Его производил сам Попов в течение 3 часов. Потом допрос продолжал следователь. Оба они всячески старались запугать меня арестом, судебной ответственностью, принудительными работами за невыполнение приказаний Попова.

Надо сказать тебе, дорогой Крокодил, что я не особенно испугалась: работники телефонной станции уже приче-

ны к такому обращению. Часто сотрудники милиции оскорбляют нас по телефону. Нам приходится выслушивать от них нецензурную брань. Телефонистов Заливацкую и Гапотченко, как и меня, уже вызывали в милицию, вели допрос с угрозами и запугиванием за невыполнение прихотей работников милиции.

Прошу тебя, дорогой Крокодил, воспользуйся междугородней линией, дай срочный заказ на вызов города Сталино и позвони по поводу самодура Попова Донецкому областному прокурору. И я и другие телефонистки с удовольствием соединят вас, когда подойдет очередь.

КУНЧЕНКО,
телефонистка.

Голубовский рудник,
Донбасс.

Уважаемый Крокодил!

В октябре 1937 года меня вызвали к начальнику кадров Наркомместпрома «для утверждения в занимаемой должности директора весового завода в Воронеже». Эту должность, кстати сказать, я занимаю уже 8 лет.

Мне сказали, что я буду утвержден. Однако во второй половине января меня опять

вызвали в Москву «для утверждения в занимаемой должности директора весового завода в Воронеже».

Оказалось, что в наркомате появилась «новая метла» — новый начальник кадров тов. Озеров.

«Новая метла» приняла меня, как и подобает метле, т. е. по-хамски. Говоря со мной, Озеров цедил слова сквозь зубы и за тридцать минут ни разу не предложил мне сесть. Он сказал мне, что наркомат утвердит меня в должности, которую я занимаю 8 лет, лишь получив от Воронежского горкома партии характеристику на меня. Горком такую характеристику посылать Озерову не намерен. Он резонно думает, что за 8 лет Наркомат местной промышленности мог бы сам изучить своего работника. Я же лично полагаю, что некоторых людей можно изучить в более короткий срок. Так например мое совсем недавнее знакомство с начальником кадров Наркомместпрома Озеровым не мешает мне убежденно считать его самодуром и бюрократом.

Директор воронежского
весового завода

ПАРИНОВ

Происшествия

Честность и соблазны. Некоторое время тому назад молодой детский поэт Ф. Курдюков нашел в такси бумажник и в нем 836 рублей. Честный молодой человек отнес эти деньги в милицию, где очень быстро нашли владельца этого бумажника. Между тем литератор очень скоро сообразил, какой значительной суммы он лишился вследствие своего благородного порыва. Тогда, чтобы возместить утрату суммы, молодой литератор стал писать поэму для детей и взрослых о подобном случае, в связи с чем поставил в своей поэме ряд следующих вопросов: нужно ли возвращать чужие деньги? Возвращать ли их сразу, и не заставит ли нашедшего задержка возвращения отказаться от честного поступка? Как премировать подобного рода честность? И пр. По нашим сведениям, поэма уже принесла честному литератору сумму гораздо большую нежели та, что помещалась в возвращенном бумажнике.

Запутанное преступление. Вчера в уголовный розыск явился архитектор Н. и в крайнем возбуждении сказал, что его товарищ по ремеслу, зодчий К., украл у него, архитектора Н., целый фасад. Допрошенный работниками розыска архитектор Н., показал, что накануне освобождения от лесов нового дома, построенного по проекту зодчего К., обозрев фасад этого нового дома, он, архитектор Н., убедился, что этот фасад полностью

копирует фасад дома, построенного им, архитектором Н., два года тому назад.

Вызванный в уголовный розыск зодчий К. подтвердил тождество обоих фасадов, однако заявил, что фасад своего дома он крал не у архитектора Н., а у академика архитектуры Р., у которого в свою очередь украл фасад и архитектор Н.

Уголовный розыск призвал к ответу академика архитектуры Р. Академик архитектуры Р. сообщил, что ему отлично известно о том, что он обокраден архитектором Н. и зодчим К., но он не возбуждал дела против обоих строителей, потому что фасад дома, послуживший предметом плагиата, он, академик архитектуры Р., заимствовал из неосуществленного проекта ныне покойного архитектора Н. Н. В свое время архитектор Н. Н. хотел было возбудить уголовное преследование против академика архитектуры Р., но не посмел этого сделать, так как еще тогда академик архитектуры Р. доказал, что и самый проект архитектора Н. Н. заимствован из двух источников: отчасти из альбомов древнегреческой архитектуры, а отчасти из альбомов средневековой италийской. (Оба альбома находятся в публичной библиотеке имени Ленина.)

Работники уголовного розыска признаны были отпустить всех зодчих домой, предварительно сняв у них дактилоскопические отпечатки.

Редактор — Ших. КОЛЬЦОВ. Редакция: Л. ЛАГИН, Л. РОВИНСКИЙ, В. КАТАЕВ, Е. ПЕТРОВ

Адрес ред.: Москва, 40, Ленинградское шоссе, ул. „Правды“, 24; тел. Д. 3-32-50; Д. 3-33-47. Прием ежедн. с 1 до 6 час. Подписная цена на журнал 1 р. 60 к. в месяц

Изд-во ЦК ВКП(б) „Правда“

Рукописи не возвращаются

Москва. Изд. № 392

Сдача текста и рисунков 19/IV 1938 г.

Подп. к печати 23/IV 1938 г.

Статформат 72x105 см.

Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000

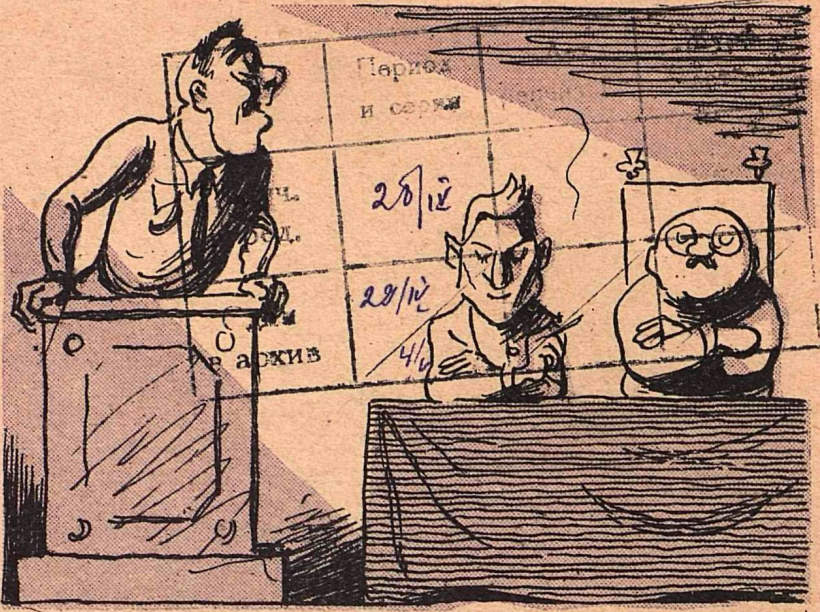
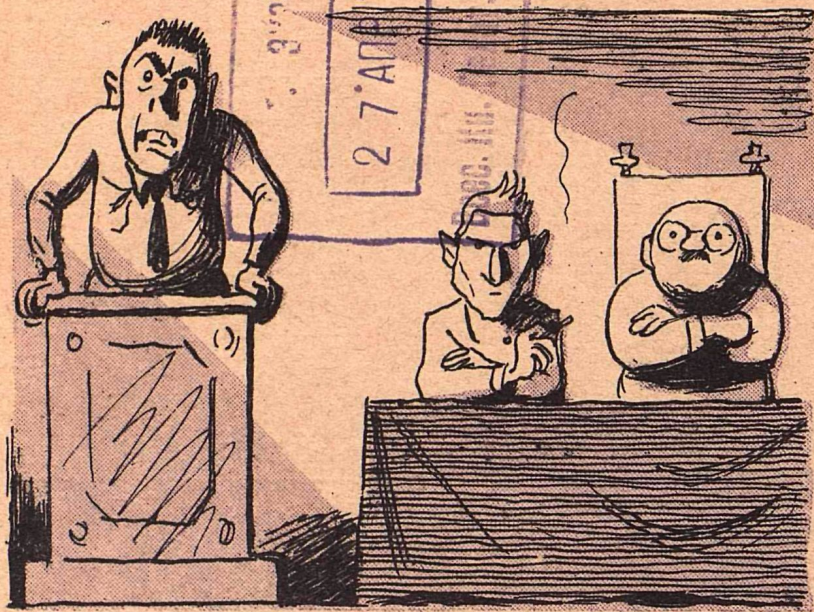
Уполномоченный Главлита Б-42354 Типография газ. „Правда“ имени Сталина, Москва, ул. „Правды“, 24. Заказ № 1033. Тираж 275 000 экз.

45

2651

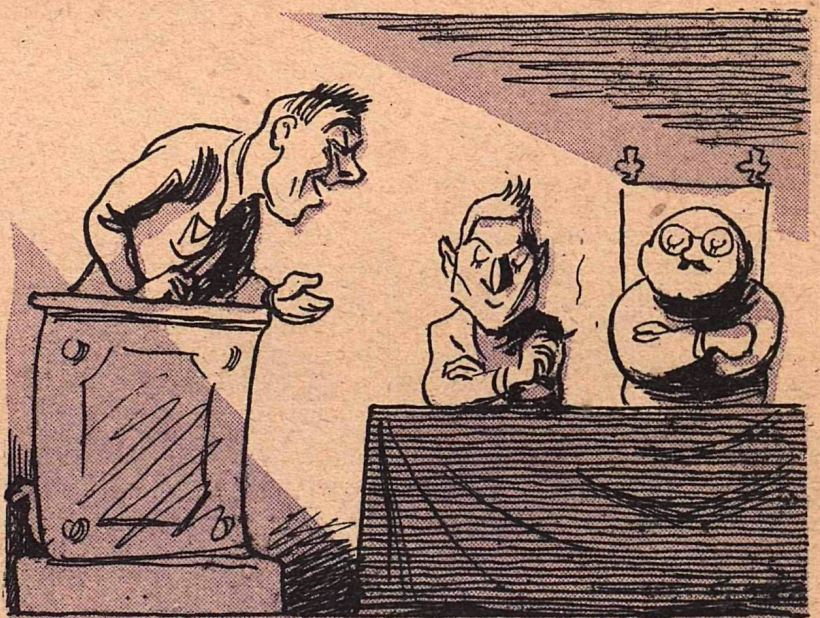
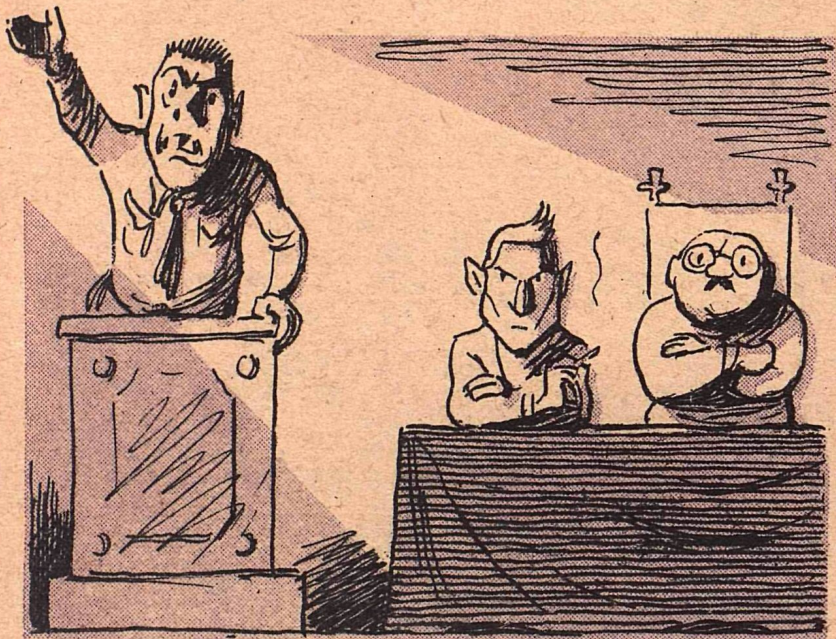
ВЗИРАЯ НА ЛИЦА...

Рис. Н. Радлова

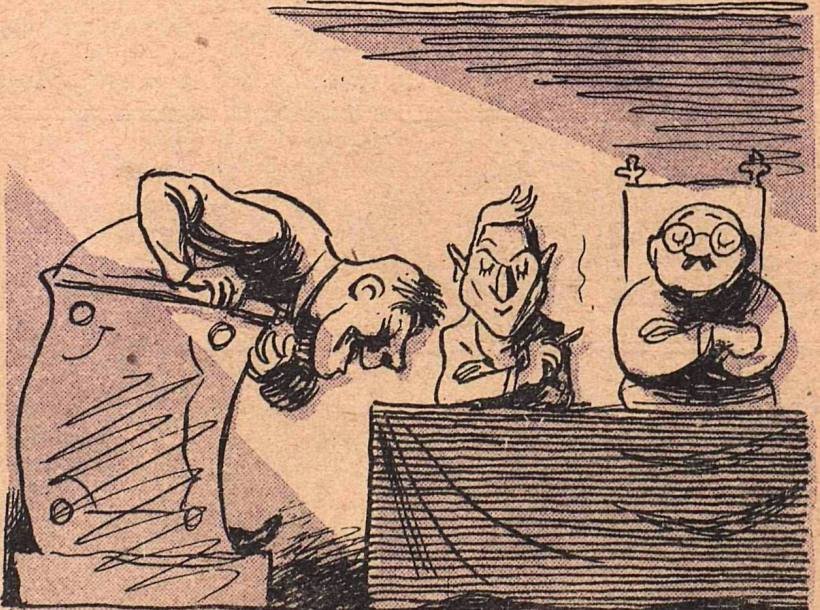
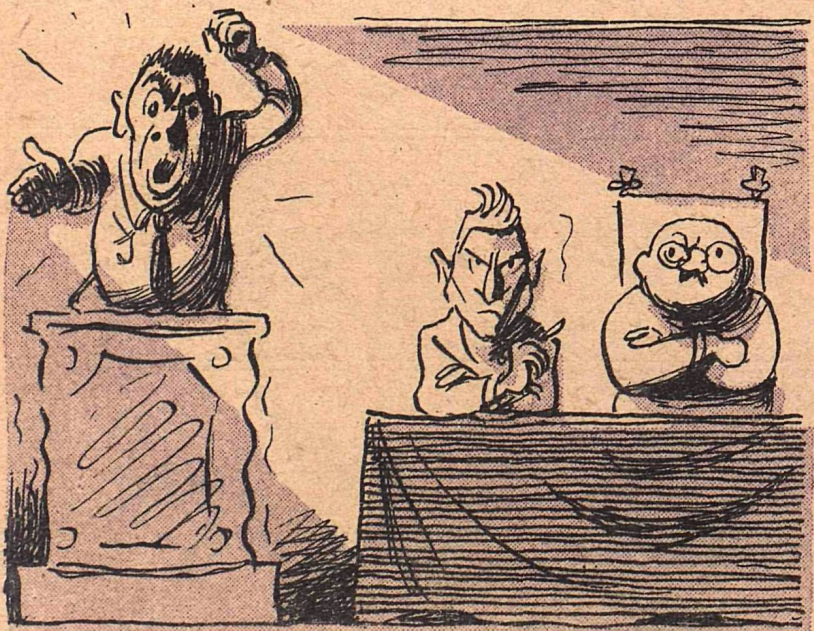
— С этой безобразной волокитой пора кончать! Да! Как только хватает совести у наших завкомщиков мариновать заявления о пособиях по месяцу и более?! И здесь я должен безоговорочно сказать, что наш директор...

— ...наш уважаемый Николай Ксенофонтович тоже отчасти как бы... хе-хе... ну, скажу, — прикосновенен к этому делу, поскольку мне определенно говорили, что вы, Николай Ксенофонтович, задержали как раз ассигновочку на пособия... И потому я должен сказать...

— ...что если наши завкомовские работнички не найдут правильного тона в своих отношениях с дирекцией?! Надо гнать таких безруких головяпков. Тем более что партком не помогает у нас профсоюзной организации и мы редко видим у себя в цехах персонально секретаря парткома...

— ...нашего дорогого Алексея Петровича... Вы, Алексей Петрович, уж извините за резкую, так сказать, самокритику, но вот я, например, просил у вашего технического секретаря Кузовкиной передать вам, что я вас ожидаю, мол, сегодня вечером у себя дома по случаю рождения сынишки...

— ...а эта Кузовкина безобразно пренебрегает просьбами и интересами рядовых работников и не передала. Не передала моего приглашения! Надо изживать подобные извращения, потому что у нас есть все данные...

— ...при таком руководстве завода, какое мы имеем в лице Николая Ксенофонтовича, и при таком руководстве нашей партийной организацией, каковое мы имеем в лице Алексея Петровича, добиться всего, чего угодно!